

Title	«Блеск примечательной личности...» Первый бурятский ученый Доржи Банзаров в мифологических и идеологических дискурсах середины XIX — конца XX вв.
Author(s)	Цыремпилов, Николай
Citation	Acta Slavica Iaponica, 40, 237-267
Issue Date	2020
DOI	https://doi.org/10.14943/ASI.40.237
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/84143
Type	departmental bulletin paper
File Information	40_12_pp.237-267.pdf

«Блеск примечательной личности...» Первый бурятский ученый Доржи Банзаров в мифологических и идеологических дискурсах середины XIX – конца XX вв.¹

Николай Цыремпилов

В 1927 году Вирджиния Вульф в известном эссе «Новая биография» выступила с примечательной идеей о том, что жизнь индивидуума не сводима к документальным фактам, она в принципе нереконструируема, поскольку является явлением внутренним и непознаваемым, в противоположность внешним фактам, которыми оперируют биографы.² В эссе подчеркивалось, что викторианская биография, сама будучи «пестрым, разнородным, чудовищным порождением»,³ в свою очередь рождала «личность», сотканную из представлений ее автора о морали и благочестии. Она срезала выпуклости человеческого характера, с раздражением отбрасывая психологические несуразности и метания. И действительно, в постмодернистской парадигме, строящейся на осознании ограничений традиционных жизнеописаний и глубокой субъективности интерпретаций, биографический нарратив сам по себе является более благодарным предметом исследования и деконструкции, чем иллюзорная и ускользающая личность, которая обречена на то, чтобы оставаться вещью в себе.

В этой статье я буду говорить не только и не столько о первом бурятском ученом Доржи Банзарове, чья жизнь еще в ранней молодости стала достоянием публичных дискуссий вокруг представлений об империи, расе, национальности, культуре, угнетении, неравенстве, религиозной принадлежности, регрессе и прогрессе, но, что важнее, речь здесь пойдет о биографических дискурсах, сложившихся вокруг этой фигуры. Различные авторы в разные эпохи писали о нем как о диковинном создании с внешностью варвара и манерами европейца, живом свидетельстве благотворного влияния европейского образования на отсталые расы, защитнике и покровителе бурятских инородцев от посягательств империи

1 Я выражаю глубокую благодарность Дитмару Шорковицу и анонимному рецензенту за конструктивные комментарии, которые помогли мне улучшить эту статью. Я также благодарю Владимира Эрдынеевича Раднаева, Нацагдоржа Батцэнгэла, Кертиса Мерфи, Розалию Гарипову, Дэниэла Скарборо и Збигнева Войновски за помощь, ценные комментарии и советы, данные мне при написании этой статьи.

2 Virginia Woolf, "The New Biography," in Leonard Woolf, ed., *Granite and Rainbow* (London: Hogarth Press, 1958), pp. 149–155.

3 Там же, С. 150.

и православной миссии и, наконец, первом бурятском социалисте и материалисте, павшем от руки царизма и церкви.

В энциклопедических словарях и на памятных досках Доржи Банзарова всегда обозначали просто и однозначно — «первый бурятский ученый». Это определение используется и в этой статье, хотя я осознаю, что оно существенно снижает масштаб и значение его личности. Ведь Банзаров вообще был одним из наиболее ранних представителей колонизированных народов, получивших европейское университетское образование, достигших определенных результатов и создавших себе устойчивую репутацию в науке. Для России николаевского времени появление Банзарова было как нельзя более своевременным и уместным прецедентом, хорошо иллюстрировавшим идею о преобразующем воздействии России на отсталые культуры. Этому «казусу» сразу же начинают уделять повышенное внимание на самых высоких ступенях властной иерархии и в столичных академических кругах. Однако сословные обязательства и отказ властей от изменения правил даже в столь нестандартном случае не позволили Банзарову повторить славу Мирзы Мухаммед-Али (Александра) Казембека.⁴ Вместо карьеры ученого-ориенталиста его ждет место чиновника в губернской администрации в Иркутске, где после пятилетней службы он скоропостижно умирает в возрасте 33 лет. Тот факт, что Банзаров стал первым бурятом с университетским дипломом, сохранив при этом верность религии своих предков, а также его отчужденность от иркутского общества, сложные отношения с православными кругами, ранняя кончина при странных обстоятельствах — все это содействовало его мифологизации в бурятской среде.

Жизнь Доржи Банзарова стала принадлежностью различных групп и интересов, и каждая из этих групп искала и находила в ней то, что казалось ей важным и показательным для донесения своих идей. Но мы можем посмотреть на это и с другой стороны. Биографии таких знаковых фигур способны с особенной выразительностью показать всю сложность и многомерность имперских образований, подтверждая известное наблюдение,⁵ что имперские ситуации имели сложное разнонаправленное действие,

4 Российский востоковед иранского происхождения, один из организаторов российского востоковедения. См. о нем: *Рзаев А.К.* Мухаммед Али М. Казем-бек. М., 1989; David Schimmelpenninck van der Oye, "Mirza Kazem-Bek and the Kazan School of Russian Orientalology," *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East* 28:3 (2008), pp. 443–458.

5 Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет. Беседа с редакторами журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // *Логос*. 2007. № 1(58). С. 218–238. См. также: Georges Balandier, "The Colonial Situation: A Theoretical Approach," Immanuel Wallerstein, ed., *Social Change: The Colonial Situation* (New York: John Wiley & Sons, 1966), pp. 34–61.

перемещая их участников в различные позиции.⁶ Попытки советских идеологов зафиксировать Банзарова как объект и жертву имперского доминирования игнорируют эпизоды, когда, например, он выступает в качестве морального авторитета в русско-немецких академических дебатах. В статье будет показана амбивалентность образа Банзарова в бурятских преданиях, в которых он сам может выступать и в качестве агента имперской власти и как ее оппонент, то действуя от лица империи, то противостоя ее давлению, то оказывая покровительство соплеменникам.

I. Жизнь Доржи Банзарова в документах, письмах и воспоминаниях современников

Троицкосавская русско-монгольская войсковая школа. Доржи Банзаров родился в семье бурятского казака Боргона Банзарова в местности Нижний Ичетуй (Учетуй) в южном Забайкалье на границе между Российской и Цинской империями. В семье пятидесятника Ашибагатского бурятского полка Боргона Банзарова и его жены Солиндой было пятеро сыновей, двое из которых в дальнейшем стали ламами. Одного из сыновей по имени Доржи⁷ отец, по всей видимости, с раннего детства наметил в свои наследники по казачьей службе. Так, Доржи в раннем детстве закончил Харацайское приходское училище.⁸ Когда ему исполнилось 11 лет до станицы Ичетуй дошло распоряжение Троицкосавского пограничного управления о наборе детей во вновь создававшуюся школу для детей бурятских казаков. Среди прочих для учебы в этой школе был отобран и Доржи.

Вместе с принятием буддизма, монгольские переселенцы восприняли и вертикальное монгольское письмо, которое использовалось ими в том числе и для коммуникаций с российскими властями. К началу XIX века проблема незнания бурятскими казаками русского языка и сопря-

6 О сложности имперского процесса и взаимозаменяемости позиций колонизатора и колонизируемого в Российской империи см., напр.: Scott Matsushita Bailey, "A Biography in Motion: Chokan Valikhanov and his Travels in Central Eurasia," *Ab Imperio* 1 (2009), pp. 165–190; Vera Tolz, "Reconciling Ethnic Nationalism and Imperial Cosmopolitanism: The Life Worlds of Tsyben Zhamtsarano (1880–1942)," *Asiatische Studien* 69:3 (2015), pp. 723–746.

7 По сведениям бурятского летописца Будажапа Будаева, Доржи Банзаров родился 18 января 1823 года. Несовпадение с официально принятым годом рождения (1822) объясняется обычаем бурят считать возраст человека, включая в него и утробный год. См.: Selenge-yin buriyad-nar-un 1-düger tabunayud törül-ün čoutniy dorji bangjar-un tuqai domuy-i jokiyaysan budajab buda-yin amui. ЦВРК ИМБТ СО РАН, Монгольский фонд, М-I, ед. хр. 80, л. 1об.

8 Харацайское (Атамано-Николевское) приходское училище предназначалось для русских детей, но детей бурятских казаков в училище также принимали. См. об учебе Банзарова в этом училище в: *Батоцыренов Ж.Б. Из воспоминаний о Доржи Банзарове // Бурятиеведение. 1928. № 1–3 (5–7). С. 89–90.*

женных с этим многочисленных административных проблем⁹ привела к идее создания особой Троицкосавской русско-монгольской войсковой школы для детей бурятских казачьих офицеров и чиновников Селенгинской степной думы, заведовавшей делами ясачного (не-казачьего) населения южного Забайкалья. Инициатива учреждения школы принадлежала Сибирскому генерал-губернаторству и Министерству внутренних дел.

Войсковая школа в Троицкосавске была открыта по инициативе властей, находясь в ведении Министерства внутренних дел; значительная часть вложений, а также выплата жалования учителям, осуществлялись из государственных средств. В школе был качественный педагогический состав,¹⁰ и этим она особенно выделялась на фоне других «инородческих» школ, которые в условиях дефицита учителей были вынуждены нанимать полуграмотных ссыльных поселенцев.¹¹ Кроме этого, в школе действовала расширенная учебная программа, включавшая помимо русской грамоты еще и монгольский язык, арифметику, географию Российской империи и основы буддизма. Предполагалось, что по окончании школы выпускники будут получать звание казачьего урядника и распределяться в станичные администрации писарями, а также делопроизводителями и переводчиками при пограничном управлении и канцелярии пристава.

Большая часть детей, принятых в школу в первый набор, если верить отзывам, не знали ни слова по-русски. Однако уже через год ревизоры удивленно отмечали большой прогресс в обучении «дикарей»: дети умели читать по-русски по слогам, писать каллиграфическим почерком небольшие тексты как на монгольском, так и на русской кириллице, умели делать простые операции по сложению и вычитанию.¹²

Эксперимент вдохновил губернские власти. Второй тайша Селенгинской степной думы¹³ и иркутский гражданский губернатор даже выступили с ходатайством перед министерствами внутренних дел и народного просвещения о выдвижении нескольких наиболее одаренных бурят для продолжения образования в Казанской гимназии «на казенный кошт». Непосредственно курировавшее школу МВД ответило на инициативу с раздражением, давая понять, что изначально открытие школы ста-

9 Проблема стояла намного шире. Незнание коренным населением Забайкалья русской грамоты приводила к систематическим нарушениям их прав. См.: *Андреев В.И.* История бурятской школы (1804–1962 гг.). Улан-Удэ, 1964. С. 14.

10 В школе преподавал один из виднейших педагогов Восточной Сибири Н. Паршин; монгольский язык преподавал ученик английских протестантских миссионеров из Селенгинской миссии Ринчин-Нима Ванчиков (в некоторых документах Анчуков или Ванчуков).

11 *Андреев.* История бурятской школы. С. 62.

12 Дело об осмотре Иркутским гражданским губернатором уч. заведений Забайкальского края. РГИА, ф. 733, оп. 83, д. 107, л. 5.

13 Степные думы — название органов самоуправления бурят, согласно Уставу об управлении инородцами 1822 г. Во главе Степных дум стояли выборные тайши.

вило целью подготовку местных кадров для пограничного управления и что подобные инициативы понапрасну обременяют казну. Что касается министерства народного просвещения, то оно проявило к ходатайству явный интерес и взялось за организацию перевода учащихся в Казанскую гимназию, ходатайствуя о разрешении перед Сибирским Комитетом.¹⁴

На учебу в Казань. Вообще все предприятие по посылке бурятских детей на учебу в Казань обязано стечению ряда обстоятельств. Прежде всего нужно заметить, что Иркутская губерния находилась в ведении Казанского учебного округа, который включал в себя обширные территории от казахских степей до Якутска. Практика обучения в стенах Казанской гимназии детей волжских и среднеазиатских инородцев к 1835 г. уже была в ходу. В гимназии обучались дети татарской, башкирской, казахской и калмыцкой знати, которые впоследствии определялись в кадетские корпуса. Основанный в 1804 году Казанский университет, в системе которого находилась гимназия, являлся главным центром российского востоковедения, и с назначением на должности ректора университета в 1827 году Николая Лобачевского и главного попечителя Казанского учебного округа в 1829 году либерального настроенного чиновника Михаила Мусина-Пушкина, университетское направление восточных языков получает в их лице больших энтузиастов и покровителей. По плану Мусина-Пушкина,¹⁵ Казань должна была укрепить свои позиции в востоковедении¹⁶ за счет открытия в дополнение к имевшимся кафедрам турецко-татарского, арабского и персидского языков еще и кафедры монголоведения, китаистики и санскритологии. Для реализации этих планов университет посылает по линии Министерства народного просвещения в 1828 г. кандидата Осипа Ковалевского и студента Александра Попова в Забайкалье, Пекин и Ургу на 4 года для практического изучения монгольского языка. По возвращении из длительной командировки в 1832 году Ковалевский и Попов были зачислены в штат университета преподавателями, а в июле

14 Сибирский Комитет, ведавший делами в Сибири, в конечном итоге отдал вопрос на решение самих министерств. Благоприятный исход дела объяснялся Г.Н. Потаниным правительственной нуждой в переводчиках с восточных языков. В.И. Андреев полагал, что правительство в этом вопросе исходило из соображений воспитания лояльной элиты. См.: *Ким Н.В.* К биографии Доржи Банзарова // *Этнографический сборник*. Вып. 6. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1974. С. 112–113; *Андреев*. История бурятской школы. С. 83.

15 Об усилиях М. Мусина-Пушкина в деле развития востоковедения в Казани см.: *Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском Университете до настоящего времени.* / Сост. ординар. проф. О.М. Ковалевским. Казань, 1842. С. 11–15.

16 О Казани как о важном центре востоковедения см: *Обозрение*, 1942; Robert P. Geracy, *The Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia* (Ithaca: Cornell University Press, 2009); Schimmelpenninck van der Oye, "Mirza Kazem-Bek and the Kazan School of Russian Orientology," pp. 443–458.

1833 года открыли первую в Европе кафедру монгольских языков. Будучи в Забайкалье, при посредничестве и содействии Сибирского губернаторства они приняли участие в организации Троицкосавской русско-монгольской школы. Очевидно, что изначально инициатива по отправке бурятских детей в Казань принадлежала Осипу Ковалевскому, который рассматривал эту идею как возможность усилить будущую кафедру монгольского языка при Казанском университете.

Не менее значимым фактором являлась позиция Сергея Уварова, которого Ковалевский называл «знаменитым покровителем восточных языков».¹⁷ В 1833 году Уваров возглавил Министерство народного просвещения. В своей концепции официальной народности новый министр особое значение придавал проблеме аккультурации местных элит, их приобщению к русскому языку и культуре. Это приобщение виделось ему необходимым условием как для обеспечения их политической лояльности, так и для утверждения цивилизационной привлекательности России в глазах ее разнообразных поданных.¹⁸ Эта концепция не ставила обязательным условием для продолжения образования крещение иноверцев, но исходила из принципиальной допустимости культурной ассимиляции «дикарей» как убедительного подтверждения цивилизационного потенциала России.

После интенсивной межведомственной переписки Министерство народного просвещения выделило в 1835–1836 годы четыре казеннокоштных места для бурятских студентов. Из числа учащихся Троицкосавской школы были отобраны лучшие выпускники школы — Цокто Чимитов, Гырыл Будаев, Доржи Буянтуев и Доржи Банзаров, которые вместе со своим надзирателем — штатным ламой Бултумурского дацана Галсаном Никитуевым, работавшим в той же школе «ламайским» законоучителем, — в конце 1835 года были доставлены за несколько тысяч верст от родных земель в Казань.

Гимназические годы. В Казанской гимназии Доржи Банзаров провел в общей сложности 8 лет, вместе со своими земляками интенсивно изучая восточные языки (монгольский и турецко-татарский), русскую словесность, грамматику, географию, чистописание, арифметику, черчение, латынь и французский язык. Программа монгольского языка, преподававшегося ученикам адъюнктом Александром Поповым, включала в себя

17 Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете до настоящего времени, 1842.

18 По выражению А. Зорина, Сергей Уваров «был одушевлен исключительно амбициозным проектом постепенного изменения устроения большинства подданных империи через институты народного просвещения и собирался таким образом формировать будущее России». Зорин А.Л. «Кормя двуглавого орла...» Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. Москва: ИЛО, 2001. С. 343–344. См. так же об этом: Миллер А. Триада графа Уварова. Лекция для Polit.Ru [<http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/>]

чтение и переводы классических произведений монгольской литературы. Турецко-татарский язык бурятским студентам вел знаменитый Мирза (Александр) Казембек.¹⁹ С первого года обучения Доржи Банзаров стал демонстрировать отличные успехи в учебе, оставив позади как других бурятских учащихся, так и русских учеников, учившихся на монгольском отделении.²⁰

Тяжелая климатическая адаптация привела к смерти двух бурятских гимназистов уже на втором и третьем годах обучения. Сначала Доржи Буянтуев, а следом Цокто Чимитов скончались первый от тяжелой лихорадки, второй от чахотки в университетской больнице и были похоронены на местном кладбище по обрядам буддийской веры.²¹ Смерть друзей оказала гнетущее впечатление на оставшихся учеников, и обеспокоенный этим Мусин-Пушкин распорядился выделить казенные средства на отправку Никитуева с детьми к ставропольским калмыкам на лето для поправки здоровья.²² На шестом году обучения Банзаров лишается последнего из своих товарищей, который оказался замешанным в деле избиения инспектора Скорнякова, отличавшегося излишней жестокостью к ученикам. Вместе с другими участниками по распоряжению императора Будаев был исключен из гимназии и выписан рядовым в Сибирский корпус.²³ После этого дела Галсан Никитуев подает прошение об отставке, ссылаясь на расстроенное здоровье, а отец Доржи Банзарова, узнав о печальной судьбе бурятских гимназистов, направляет прошение на имя императора с просьбой отправить сына домой, ссылаясь на собственную старость и нужду в сыновней поддержке.²⁴ Вся затея с бурятскими гимназистами, казалось, стояла на грани провала.

19 См. о нем: Schimmelpenninck van der Oye, "Mirza Kazem-Bek and the Kazan School of Russian Orientalology."

20 Ким. К биографии Доржи Банзарова. С. 18–19.

21 Дело Канцелярии Г. Директора 1-й Казанской Гимназии смерти воспитанника Чимитова. НАРТ, ф. 87, оп. 1, д. 3445.

22 Дело Канцелярии Г. Директора 1-й Казанской Гимназии об отправлении Комнатного Надзирателя Никитуева и с ним воспитанников двоих Монголов и одного русского в г. Ставрополь для упражнений в разговорах и для поправки здоровья. НАРТ, ф. 87, оп. 1, д. 3475.

23 Об инспекторе Скорнякове и деле с его избиением гимназистами, см.: *Ильинский А.И.* За полстолетия. 1841–1892. Воспоминания и пережитки. // Русская старина. Кн. 5, Гл. 13–14. Часть 2. 1894. С. 78–80; *Шофман А.С.* Казанский период жизни и деятельности Доржи Банзарова. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское книжное издательство, 1956. С. 47–49; *Асалханов И.А.* Новые данные о Доржи Банзарове // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. Том. XXI. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское книжное изд-во, 1956. С. 163–179.

24 Император, однако, ходатайство удовлетворить отказался, но при этом распорядился выдать Боргону Банзарову в виде единовременной помощи 142 руб. серебром «...в поощрение похвальных усилий к образованию сына его» (*Шофман.* Казанский период жизни и деятельности Доржи Банзарова. С. 45; *Асалханов.* Новые данные о Доржи Банзарове. С. 170).

Учеба в Казанском университете. Несмотря на все тяготы жизни и учебы на чужбине, Доржи Банзаров в 1843 году блестяще заканчивает гимназию. Годом ранее на смену отбывшему в Забайкалье Галсану Никитуеву по ходатайству гимназии прибывает для занятия должности комнатного надзирателя штатный лама Гусиноозерского дацана Галсан Гомбоев, которому также суждено будет сыграть важную роль в развитии российского монголоведения.²⁵ В том же 1843 году Банзаров после некоторых проблем формального характера принимается в число студентов первого курса Казанского университета на разряд восточных языков.²⁶

В 1846 году он представляет выпускную работу «Черная вера или шаманство у монголов», которая была издана в Известиях Казанского университета и стала самым значительным трудом Доржи Банзарова. За эту работу Банзаров был удостоен степени кандидата философии. Работа сразу же привлекла внимание востоковедов как в России, так и за ее пределами. Это объяснялось как новизной темы, которая получала мало внимания со стороны исследователей, так и достоинствами самой диссертации. Небольшой пятидесятистраничный труд Банзарова был построен всего на шести монгольязычных источниках, однако по оригинальности взгляда на сибирский шаманизм и систематичности изложения материала работа на то время не имела себе равных. Главная идея работы сводилась к следующему тезису: шаманство как религиозная система является не искажением или упрощением какой-то предшествовавшей ей более развитой религии (например, буддизма, даосизма или зороастризма), а естественно и самостоятельно возникшим простейшим верованием монголов и других народов Азии. Диссертация была благоприятно воспринята в прессе. Журнал «Отечественные записки» разместил на своих страницах рецензию, в которой, помимо прочего, отозвался о «Черной вере» Банзарова как о сочинении «удержавшем за собой значение самого лучшего сочинения о таком предмете, по которому не только европейцы, но и сами монголы не имеют ни одного полного и систематического изложения».²⁷ Однако главным предметом удивления было не столько качество труда, сколько происхождение автора.

Глава «ученейшего из монголов»,²⁸ «сына полудикого забайкальского бурята»²⁹ с европейским образованием, «монгола во всеоружии европей-

25 См.: Улымжиев Д.Б. Бурятский учёный-востоковед Галсан Гомбоев (1818–1863) (К 175-летию со дня рождения). Улан-Удэ, 1993.

26 Исследователь И. Асалханов со ссылкой на дело из ЦГИАЛ (ныне РГИА), ф. 7336 оп. 426 д. 48) утверждает, что М. Мусин-Пушкин за успешное окончание гимназии Банзарова и поступление последнего в университет был награжден по представлению С. Уварова Орденом Белого Орла (Асалханов. Новые данные о Доржи Банзарове. С. 170).

27 Отечественные записки. СПб., 1885. Т. II. Вып. 10. Отд. 4. С. 89–92.

28 Редакционный некролог к смерти Доржи Банзарова // Современник. Литературный журнал. Том LIII. 1855. С. 41.

29 Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Том II. Вып. 22–30. СПб., 1891. С. 85.

ской учености»,³⁰ «физиогномией облича[вшего] свое происхождение от одной кости с Чингис-Ханом и Батыем»,³¹ самого по себе являвшегося «необыкновенным явлением»,³² преследовала Банзарова всю его жизнь. Востоковед В.В. Григорьев писал о феномене Банзарова так: «[в] то время как Германия восхищается негритянским *джентльменом*,³³ здесь в Петербурге находится монгольский *гелертер* в полном значении этого слова».³⁴

Сергей Уваров в связи с окончанием Банзаровым университетского курса с гордостью, энтузиазмом и удовлетворением писал императору: «Я имел счастье доводить до Высочайшего сведения о сем первом еще у нас явлении, свидетельствующем, что основательное просвещение может быть принадлежностью и полудиких сынов степей Монгольских».³⁵ У министра на исходе его карьеры были все основания считать результаты эксперимента с обучением бурятских детей успешным. Пусть и один из четырех, но Банзаров своим примером с лихвой окупал всю эту затею.

Командировка в Петербург. Получив университетский диплом Банзаров остается один на один с проблемой своей сословной принадлежности. Относясь к инородческому казачьему сословию, Банзаров был обязан по окончании университета вернуться в распоряжение Троицкосавского пограничного управления и отслужить 25 лет на казачьей службе. Для решения этой загвоздки Банзаров едет в столицу, где его дело рассматривается в Сенате. Существо вопроса — возможность освободить Банзарова от воинской службы в казачьем полку в связи с получением им университетского образования. Это дело рассматривалось в Сенате два года как «казусное», передаваясь на рассмотрение то в Министерство внутренних дел, то в Министерство юстиции, то в генерал-губернаторство Восточной Сибири, то в Военное министерство. Правительствующий Сенат уже решил было дело в «благоприятном смысле», однако возражения министра юстиции заставили Сенат передать дело Банзарова на заключение военного министра. В результате, по рекомендации военного ведомства, Се-

30 Потанин Г.Н. Очерк о жизни и деятельности Дорджи Банзарова в: Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи Дорджи Банзарова под ред Г.Н. Потанина. Санкт-Петербург, 1891. С. xxx.

31 Савельев П. О жизни и трудах Дорджи Банзарова. СПб., 1855. С. 1.

32 См.: Отзыв Н. Веселовского на издание «Черной веры» под ред. Г.Н. Потанина // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Том XLVII. 1892. С. 580–581.

33 По всей видимости, имеется в виду Антон Вильгельм Амо (1703–1759), немецкий философ, выпускник университетов Галле и Йены. Был привезен в Европу из африканской Ганы голландской Вест-Индской компанией еще ребенком. После безуспешной карьеры университетского преподавателя в Германии, вернулся на родину. William E. Abraham, "Anton Wilhelm Amo," in Kwasi Wiredu, ed., *A Companion to African Philosophy* (Oxford: Blackwell, 2004), pp. 191–199.

34 Немецкое слово *Gelehrter* (ученый) стало шутовым прозвищем Банзарова в его петербургский период, и он сам с удовольствием так называл себя в письмах.

35 Поступление в университет буряты // Журнал Министерства народного просвещения. Часть XXXVIII. 1843. С. 53.

нат, не решившись нарушать правила даже в столь нетипичном случае и тем самым создать неудобный прецедент, приходит к компромиссному решению. Банзарову в конце концов предписывают явиться в Иркутск в распоряжение Иркутского генерал-губернатора в должности чиновника особых поручений.³⁶

Между тем в Петербурге, где Банзаров более полугода дожидался ответа из Сената, он с симпатией и интересом принимается в круг столичных востоковедов. Этот период многие считают самым счастливым в его жизни. Сняв скромную комнатку, Банзаров принимается за изучение монгольских и маньчжурских рукописей из Азиатского музея и Публичной библиотеки. По воспоминаниям его ближайшего петербургского друга арабиста Павла Савельева, «[п]роведя утро в одном из этих двух книгохранилищ, он обедал где-нибудь в гостинице, и после обеда в скромном своем уголке, который нанимал у портного в Столярном переулке, с трубкой во рту, обрабатывал и соображал сделанные им выписки».³⁷ Благодаря своей общительности и уже окружившей его славе, он быстро обрастает знакомствами и почти сразу невольно попадает в центр русско-немецкого научного противостояния. Предметом дискуссии оказался так называемый Чингисов камень, доставленный в 1829 году в Азиатский музей из Забайкалья. Первую попытку дешифровать надпись на камне предпринял один из первых учителей Банзарова — уже упоминавшийся нами Ринчин Ванчиков. Попытка была явно неудачной, на что обратил внимание гуру петербургского монголоведения академик Яков Шмит. В своей разгромной критике этого первого перевода Шмит ошибочно приписал его авторство другому известному российскому востоковеду Иакинфу Бичурину. Тон критических замечаний и самоуверенность Шмита в оценках собственного альтернативного перевода вызвали сильное раздражение в среде петербургских востоковедов, смотревших на это дело сквозь призму застарелых русско-немецких трений в Академии наук. Прибытие в Петербург Банзарова, совпавшее со смертью Якова Шмита, снова вызвало к жизни утихшие было дискуссии. Для петербургских ученых, как считает Савельев, «желательно было услышать голос природного ученого монгола».³⁸ Сам Банзаров в письме своему казанскому учителю Березину писал об этом так:

Теперь мне покою не дает известная надпись на камне, вделанная в стену в сенях Азиатского музеума Академии наук, приписываемая Чинги-

36 Распоряжение об отправлении Доржи Банзарова в распоряжение Главного Управления Восточной Сибири. НАРТ, ф. 977, оп. л/д, д. 4946 лл. 24–25об. То есть, сословная принадлежность (казачий инородец) Банзарова не была изменена. Оставив его в «природном» сословии, власть позволила ему делать нетипичную для его сословия карьеру.

37 Савельев П. О жизни и трудах Дорджи Банзарова. С. 14–15.

38 Там же, С. 19.

су. Надпись эта особенно прославлена руганкою, которую немец Шмидт задал по-русски почтенному о. Иакинфу. Мне хочется теперь посрамить «черные кости» немца и косвенно оградить о. Иакинфа.³⁹

После напряженной полугодичной работы, в процессе которой ему удалось с помощью метода дагерротипии изготовить точную уменьшенную копию надписи, Банзаров предложил научному сообществу собственный ее перевод, который был встречен академическим сообществом с большим энтузиазмом. Тогда же, в эти полгода, Банзаров делает дешифровки двух пайцз, найденных в Забайкалье и в Екатеринославской губернии.⁴⁰ Известные востоковеды Оттон Бётлингк, а позднее Вильгельм Шотт, посвящают ему заметки для европейского круга востоковедов,⁴¹ среди прочего отмечая, что «наставники и друзья возлагают на него большие надежды и ожидают от него со временем важных открытий».⁴² По выражению Савельева, эти исследования, а также законченный им каталог маньчжурских рукописей Азиатского музея, за короткое время делают Банзарова «львом общества ориенталистов».⁴³

В 1848 году Доржи Банзаров, наконец, получает определение Государственного Совета о назначении чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. В своих письмах друзьям и коллегам он не выражает каких-то особенных восторгов или сожалений по этому поводу, замечая, правда, между делом, что скучает по «своему кружку в Питере»⁴⁴ и опасается, что не сможет найти в Иркутске необходимых книг для дальнейших исследований.⁴⁵ Для Банзарова назначение в Иркутск означало и прощание с надеждами построить академическую карьеру, и возвращение на родину, и воссоединение с родными, и наступление какой-то жизненной определенности и стабильности. Судя по письмам, он встречал эту новую жизнь без обид и жалоб, а, скорее, со спокойным принятием.

39 Банзаров Доржи. Собрание сочинений. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 225.

40 Статья «Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов» была опубликована в Записках археологического общества, Т. II. В этой же статье Банзаров объясняет ярлык Бирдибек-Хана, данный Алексею, митрополиту Киевскому. За эту и другие работы в 1848 году Банзаров был избран в члены-корреспонденты Императорского археологического общества.

41 Bulletin de la classe hist. philol de l'Acad., t. V, No. 4. pp. 54–58. Цит. по: Савельев П. О жизни и трудах Дорджи Банзарова. С. 13; W. Schott. "Bansarows Auslegung einer mongolischen Unschrift," Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, 14. Bd, Berlin, 1856, pp. 297–308.

42 Bulletin de la classe hist. philol de l'Acad., t. V, No. 4. pp. 54–58. Цит. по: Санжиев Б.С. Доржи Банзаров. Изучение научного наследия. Иркутск, 1998. С. 45.

43 Савельев. О жизни и трудах Дорджи Банзарова. С. 15.

44 Банзаров. Собрание сочинений. С. 218.

45 Там же, С. 226.

Иркутский период. В 1849 году Доржи Банзаров добирается до Иркутска, где в должности чиновника особых поручений поступает под начало также недавно заступившего в должность генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Муравьева. В духе николаевской политики Муравьев ставил своим приоритетом культивирование лояльности местных элит, а потому «просвещенный инородец» оказался весьма удобным и нужным кадром для разрешения сложных проблем и конфликтов внутри бурятского общества. Через полгода после вступления в должность Банзаров командирован в Забайкалье для разбора ряда дел, связанных с должностными злоупотреблениями и приписками бурятских тайшей. Первое дело касалось Селенгинской степной думы, в введении которой находилась и семья Банзарова.⁴⁶ Оно должно было быть особенно чувствительным лично для Банзарова, поскольку касалось двух лиц, которым Банзаров был обязан своим образованием. Теперь уже бывший тайша Юмдэлэг Ломбоцыренов подал иск на своего преемника Ниндака Вампилова, который пятнадцатью годами ранее подавал прошение властям на отправку Банзарова и других выпускников Троицкосавской школы в Казань. Банзаров вынес решение в пользу действовавшего тайши,⁴⁷ вынудив Ломбоцыренова пообещать не шлести впредь интриги.⁴⁸ Затем последовали другие ревизии: в Кударинскую степную думу, где разбирались злоупотребления местного тайши Дамбуева, в Тункинскую степную думу в качестве переводчика для допроса местных бурят по делу о некоем хорунжем Сычеве.⁴⁹ Сам Банзаров в своем письме к Березину через два года после переезда писал так по этому поводу: «...денег у меня нет потому, что я живу одним жалованьем, хотя на руках у меня бывали такие дела, от которых другие толстеют; я же от них худею потому, что ездить по уездам

46 Отец Доржи Банзарова скончался в начале 1849 года, всего несколько месяцев не дождавшись прибытия сына.

47 Юмдэлэг Ломбоцыренов, помимо прочего, был еще и известным бурятским летописцем, автором двух значительных произведений бурятской историографии — «Бичихан записка» и «История селенгинских монгол-бурят». Вероятно, обида Ломбоцыренова на решение Банзарова не в его пользу отразилась в том, что во второй летописи он весьма сухо отзывался о своем земляке: «Доржо Банзарай, происшедший из Табангутского урянхайского рода, с правого берега реки Учетуй, получил образование в Казани, сдал экзамены в Петербурге и был назначен чиновником по особо важным делам при генерал-губернаторе Восточной Сибири. В 1850 году приехал в Забайкалье, на родину, затем вернулся в Иркутск на работу, и будучи на своей работе пристрастился к вину и скончался в 1850-х годах». Ломбоцэрэнов Дамби Жалцан. Летопись селенгинских монгол-бурят / Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 127.

48 Санжиев Б.С. Доржи Банзаров. Изучение научного наследия // Вершины. Общ.-пол., лит.-худож. журнал. № 1, 2008. С. 144.

49 К сожалению, документы по ревизиям Банзарова в архивах не найдены, хотя их поисками занимался не один исследователь. Вероятнее всего, они погибли во время катастрофического пожара в Иркутске в 1879 году.

всегда стоит мне дороже, чем жить в Иркутске постоянно».⁵⁰ Более того, Банзаров упоминает в этом письме, что был даже посажен на гауптвахту на десять дней за то, что «производил следствия строго, одним словом дела вел не политично», а также, что это произошло в связи с интригами его недоброжелателей.⁵¹ В последствии это даст основания поздним интерпретаторам говорить о травле Банзарова в губернской администрации.

Друг и биограф Банзарова Савельев надолго утвердил мнение в русском обществе о том, что по приезду в Иркутск Банзаров стал деградировать, погрузившись в бурятскую среду. Он объяснял это его слабохарактерностью и сентиментальностью:

Любопытно было бы, в психологическом отношении, проследить этот обратный переход из Европейца в Бурята... Оставленный в европейской сфере, наш Бурят окончательно перешел бы в Европейца; образование вошло бы в кровь и плоть. Вступив же в соприкосновение с людьми полудикими, но родными ему по лицу, по языку, по вере, по преданиям, дорогими по неизгладимым воспоминаниям детства, Дорджи невольно увлекся чувствами. К понятному сочувствию к своим родичам примешивалось, конечно, и сознание собственного достоинства и чувство самолюбия, потому что соплеменники смотрели на него как на чудо, уважали и чтили его, не смотря на его европейскую одежду и стриженную голову без косы.⁵²

Действительно, еще до своего возвращения в Иркутск Банзаров, видимо, приобрел среди бурят широкую славу как первый и единственный университетски образованный соплеменник. По свидетельству иркутского историка и литератора Иллариона Сельского, Банзаров со временем пристрастился к молочной водке, «краснощеким землячкам» и «жизни степного монгола», проводя месяцы в степи. Потанин сообщает даже, что увлекшись пребыванием в бурятских улусах, где он «одевался по-бурятски и пил кумыс», Банзаров часто забывал о службе. В этих случаях якобы за ним даже посылали особого чиновника, который привозил его назад в Иркутск.⁵³

Так или иначе, но со временем, по свидетельству П. Савельева, одного из главных корреспондентов Банзарова, он все реже пишет письма своим друзьям и коллегам в Казань и Петербург. Гораздо менее продуктивной становится и его исследовательская деятельность. Григорий Потанин полагал, что одной из причин снижения исследовательской активности Банзарова в Иркутске могла быть его специализация, особенности казанской

50 Письмо Березину от 4 сентября 1852 г. Цит. по: *Савельев П.* Из писем Дорджи Банзарова // Труды Восточного Отделения Императорского Археологического Общества. Часть 3. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1857. С. 200.

51 Там же.

52 *Савельев.* О жизни и трудах Дорджи Банзарова. С. 33.

53 *Потанин Г.Н.* Очерк о жизни и деятельности Дорджи Банзарова в: Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи Дорджи Банзарова под ред Г.Н. Потанина. Санкт-Петербург, 1891. С. xxii.

школы классического востоковедения, видевшего свой основной предмет в памятниках старины и археологии. В этом кабинетном востоковедении Банзаров не находил себе единомышленников в Иркутске. Потанин считал, что перед молодым исследователем «следовало бы поставить [...] задачу собирания устных памятников у бурят; это занятие было бы более исполнимо в глухой провинции».⁵⁴

Еще одной причиной, приведшей, по мнению современников, к преждевременной гибели ученого, стало его отчуждение от узкого круга иркутской интеллигенции, неспособность Банзарова «найти в провинциальном обществе нравственной поддержки». Сельский утверждает, что в Иркутске Банзаров был «принят превосходно», пользовался особым расположением Николая Муравьева; ожидалось, что он оживит жизнь местного Сибирского Отделения Русского географического общества.⁵⁵ Однако в СОРГО Банзаров появлялся редко, обычно только в тех случаях, когда за ним кто-то заезжал и «насильно тащил с собою в заседание».⁵⁶ Потанин объясняет это отсутствием истинного духа учености в этом учреждении, которое фактически было «особой канцелярией генерал-губернатора по ученой части».⁵⁷ Так или иначе, но по протоколам заседаний Общества, Банзаров за 7 лет присутствовал на них всего дважды.⁵⁸

Другой причиной слабой вовлеченности Банзарова в жизнь иркутской интеллигенции, возможно, являются его напряженные отношения с Епископом Иркутским, Нерчинским и Якутским Нилом Исаковичем, фигурой чрезвычайно авторитетной и уважаемой в Иркутске того времени. И. Сельский утверждает, что Нил с большим энтузиазмом встретил проезд Банзарова в Иркутск, надеясь найти в нем полезного советчика в своих переводах православной литургии на бурятский язык, а, возможно, обрести в нем бесценного союзника в деле христианизации бурят.⁵⁹ Настойчивые попытки отца Нила склонить его к принятию крещения привели в конечном итоге к разрыву между ними.⁶⁰ Если верить позднему (1935 год) сообщению иркутского писателя и драматурга Павла Маляревского, который ссылался на некую иркутскую городскую легенду, под влиянием

54 Потанин Г.Н. Очерк о жизни и деятельности Дорджи Банзарова. С. xxviii.

55 Подробности о сибирской жизни и последних днях Дорджи Банзарова. Письмо И. С. Сельского к П. С. Савельеву в: Черная вера или шаманство у монголов. С. xxxv–xxxvi.

56 Савельев. О жизни и трудах Дорджи Банзарова. С. 34.

57 Потанин. Очерк о жизни и деятельности Дорджи Банзарова. С. xxviii.

58 Савельев. О жизни и трудах Дорджи Банзарова. С. 34.

59 Подробности о сибирской жизни и последних днях Дорджи Банзарова. Письмо И. С. Сельского к П. С. Савельеву в: Черная вера или шаманство у монголов. С. xxxv–xxxvi.

60 Было бы неоправданным упрощением, однако, делать на этом основании предположение, что Банзаров избегал общения с православными миссионерами и священниками, памятуя о его крепкой и сердечной дружбе с Алексеем Бобровниковым, отцами Иакинфом и Палладием.

Нила студенты Иркутской духовной семинарии даже сочинили и распевали в Иркутске песню, в которой якобы высмеивали рационалистическое понимание возникновения религии, изложенное Банзаровым в его диссертации о шаманизме.⁶¹

Сам Банзаров объяснял в письмах свою исследовательскую непродуктивность многочисленными командировками, во время которых «учеными делами заниматься нельзя», поскольку «голова занята другими предметами», а также отсутствием под рукой необходимой литературы и недостатком в людях, «чьи вопросы и мнения могли бы навести на ученость».⁶² И все же было бы ошибочным полагать, что в Иркутске Банзаров совершенно забросил исследования под грузом чиновничьих обязанностей и в связи с отсутствием условий и подобающей интеллектуальной среды. В период с 1849 по 1855 годы по заданию СОРГО он уточнил бурятские названия местностей, рек, гор и озер, а также границы с Цинской империей на географических картах, вел исследования происхождения сойотов и урянхайцев, навел иркутского исследователя Юренского на открытие места рождения Темуджина в местности Дэлюн-Болдог, готовил историю перехода монголов в Забайкалье и сделал перевод с монгольского сочинения «Путешествие Зая-хамбо в Тибет», которое представил на заседании СОРГО.⁶³

Смерть Доржи Банзарова. Известие о смерти Банзарова в конце февраля 1855 года, всколыхнуло не только иркутскую общественность, но и высшее общество столичной России. Обстоятельства этой неожиданной кончины дали богатую почву для разного рода предположений и конспиративных теорий. П. Савельев в своем кратком посмертном биографическом очерке, вышедшем в печать через несколько месяцев после кончины Банзарова, писал, что один из членов Сибирского Отдела РГО в последних числах февраля зашел на квартиру к Банзарову и застал его уже мертвым на своей кровати.⁶⁴ Годом позднее И. Сельский в своем письме Савельеву признался, что этим последним посетителем был он, пришедший в назначенное ему самим Банзаровым время «за статьей о Чингисе», но нашедший своего друга мертвым.⁶⁵ Савельев был убежден, и

61 *Маляревский П.* Доржи Банзаров. Драма в 5 действиях // Новая Сибирь. Литературно-художественный журнал. Книга одиннадцатая. Иркутск, 1935. С. 114. Поскольку найти текст студенческой песни Маляревскому не удалось, он предложил читателям свою версию песни: «В улусе грязном я родился, / Среди степей бурятских жил. / Но добродушный россиянин / Меня к наукам приобщил. / На деньги русские учился, / Но злобу в сердце я таил / И благодетелей российских / Безбожной книгой одарил». См.: Там же, С. 109.

62 Письмо Березину 1852 г. *Банзаров Доржи*. Собрание сочинений. С. 228.

63 *Хантаев П.Т.* Первый бурятский ученый Доржи Банзаров. К столетию со дня смерти Доржи Банзарова (материалы научных сессий и статьи). Улан-Удэ, 1955. С. 74–75.

64 *Савельев*. О жизни и трудах Дорджи Банзарова. С. 37.

65 Подробности о сибирской жизни и последних днях Дорджи Банзарова. Письмо И.С. Сельского к П.С. Савельеву в: Черная вера или шаманство у монголов. С. xxxvii.

позднее это мнение повторялось многими, что главной причиной преждевременной смерти ученого стало его слабое здоровье, какая-то «скрытая болезнь», привычка лечиться исключительно «по бурятским рецептам» и недоверие к русским врачам. Сельский приводит другую версию, о том, что косвенной причиной смерти стал визит, который накануне нанес в Иркутск Бандидо Хамбо-лама Чойван Ишижамсуев. Согласно ей, Банзаров встретался с Хамбо-ламой, «в сообществе его наелся жирной свинины ипил много вина». Поехав провожать высокого гостя он якобы простудил желудок и умер вскоре по возвращении домой.⁶⁶ Объяснения Савельева и Сельского, взаимно друг друга дополнявшие, стали официальной версией, которая была озвучена в прессе.

Неожиданная преждевременная кончина Банзарова и ее весьма туманные обстоятельства привели позднее к развитию нескольких альтернативных версий о ее причине. Г.Н. Потанин, высоко ценивший Банзарова, кажется, впервые четко и однозначно выразил имевшую уже хождение точку зрения о том, что Банзарова погубило пристрастие к алкоголю. Не разделяя точку зрения Савельева о культурной деградации Банзарова в связи с его «обурячиванием»,⁶⁷ Потанин полагал, что Банзаров начал спиваться еще в Казани, и его отчуждение от общества в Иркутске объяснял тем, что он «стыдился своего порока».⁶⁸ Он считал, что пьянство Банзарова было типичным для ученого мира того времени.⁶⁹ Эту же точку зрения поддерживал близко знавший Банзарова академик В.П. Васильев: «Напрасно думают, что Банзаров погиб преждевременно потому, что порок пьянства принадлежал его соотечественникам. Пьянство в то время (только в то-ли время?) было развито и в гимназиях, и в университетах».⁷⁰

Многие были убеждены, что смерть Банзарова на самом деле была ни чем иным, как убийством. Ходили слухи, что его намеренно спаивали ламы,⁷¹ а в бурятской среде возникла легенда, что Банзаров был отравлен

66 Там же.

67 Потанин отмечал, что после смерти Банзарова многие сравнивали его судьбу с участью «африканских и американских дикарей», которые получив европейское образование, с годами, особенно столкнувшись вновь со своими единоплеменниками, совершенно теряли вкус к цивилизованной жизни и обращались к образу жизни своих предков. См.: Черная вера или шаманство у монголов. С. xxv.

68 Там же, С. xxvi.

69 Весьма любопытно, что еще один сибирский «инородец» Николай Катанов, получивший университетское образование, разделял мнение о том, что Банзарова погубило пристрастие к алкоголю и что это пристрастие было привито ему русскими коллегами и друзьями: «Чокан (Валиханов – прим. мое НЦ) и Доржи оба погибли от водки до достижения ими 35 лет, потому что наши русские коллеги не научили нас ничему, кроме того, как пить» (*Заки Валиди Тоган*. Воспоминания. Пер. Г. Шафикова и А. Юлдашбаева. Уфа, 1994. С. 125-126).

70 Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Том II. Вып. 22-30. СПб., 1891. С. 88.

71 Черная вера или шаманство у монголов. С. xxii.

по приказу русских властей.⁷²

Похороны Банзарова, как принадлежавшего к буддийской конфессии, было решено устроить по «ламайскому обряду». Воспользовавшись тем, что Хамбо-лама еще не успел далеко уехать из Иркутска, губернские власти вернули его с дороги обратно для устройства похорон. Савельев пишет о похоронах Банзарова так:

Устроена была печальная колесница, на которую поставили гроб. Колоссальная фигура хамбо-ламы,⁷³ и находившиеся при нем простые ламы, в желтой одежде, читая буддийские молитвы, сопровождали тело за город. Господин генерал-губернатор и чиновники его канцелярии отдали последний долг умершему. Весь Иркутск стекся на похороны.⁷⁴

Смерть Банзарова, как, впрочем, и вся его жизнь, стали предметом дискуссий и рассуждений на многие годы вперед. При этом трактовки значения Банзарова для российского общества и науки, причины его преждевременной смерти и степень ответственности за нее самого общества и государства разительно менялись с каждой эпохой и с каждой идеологической программой, которой придерживались многочисленные его биографы и комментаторы.

Уход из жизни первого бурятского ученого вызвал заметный резонанс в российском обществе. Как уже упоминалось выше, восхождение его звезды на горизонте отечественной науки виделось как выразительная иллюстрация благотворного воздействия русской культуры на «дремучих инородцев», как свидетельство того, что «просвещение может быть принадлежностью и полудиких сынов степей Монгольских»,⁷⁵ что «дарования и просвещение могут быть уделом и этого поколения».⁷⁶ Более того, Россия в деле просвещения туземцев могла, по мнению некоторых авторов, подать благородный пример другим колониальным империям своего времени. Выразительнее всего эта мысль была выражена анонимным автором рецензии на известное нам уже сочинение П. Савельева «О жизни и трудах Дорджи Банзарова», которая вышла в журнале «Москвитянин» в год его кончины:

72 См. ниже.

73 Хамбо-лама Чойван Ишижамсуев, по сохранившимся описаниям, был необыкновенно тучным человеком.

74 Савельев. О жизни и трудах Дорджи Банзарова. С. 57. Краткое упоминание о похоронах Банзарова содержится также и в письме декабриста С.П. Трубецкого Г.С. Батенькову от 27 февраля 1855 г., где он также сообщает, что «чиновника из братских... отпевал сам Хамба-Лама Бандида, первосвященник ламский». См.: *Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности*. Т. 2. Иркутск, 1987. С. 235.

75 Журнал Министерства Народного Просвещения. Часть XXXVIII. Санкт-Петербург, 1843. С. 53.

76 Некрасов Н. Рецензия на соч. П. Савельева «О жизни и трудах Дорджи Банзарова» // Современник. Литературный журнал. Том LIII. Санкт-Петербург, 1855. С. 46.

Кроме ученого своего значения, Банзаров замечателен и потому, что представляет собою живой пример благотельного влияния России на подвластных ей инородцев. Это, как мы сказали, Монгол во всеоружии современной учености, благодаря влиянию России. А укажите мне в Англии — просвещенных ею Индийцев, или в Париже — ученых Алжирцев! Таково ли влияние этих двух держав на принадлежащих им инородцев? заботятся ли они о просвещении их, толкуя о «цивилизации»...⁷⁷

Пример Банзарова, по мнению других, разрушал расовые стереотипы, коренившиеся в русском, да и шире — в европейском обществе. Академик Васильев, касаясь этой темы, утверждал, что «Банзаров представлял собой разительное доказательство, что раса ни при чем в науке ... и негр, и желтый равно могут ее усваивать».⁷⁸

Как уже отмечалось, многие современники Банзарова, если судить по вышедшим сразу же после его смерти некрологам, видели причину его гибели в культурной деградации, губительном влиянии не него соплеменников, с которыми он предавался распитию молочной водки. Впрочем, по мнению некоторых комментаторов, ответственность за смерть Банзарова в значительной степени лежала и на властях, которые не сумели использовать вызванный ими же к жизни талант более рациональным образом. Ориенталист Веселовский уже спустя много лет сокрушенно писал, что Банзаров мог бы принести гораздо больше пользы, будучи «пристроенный к ученой деятельности и командированный на Восток же, но с другим поручением».⁷⁹ И все же жизнь Банзарова, по мнению сочувствовавших ему, была прожита незря. Знаменитый русский поэт Николай Некрасов писал, что «блеск примечательной личности» Банзарова как бы вызывал бурят к жизни из небытия, делал этот «забытый» народ субъектом исторического процесса.⁸⁰ По его выражению, со смертью Банзарова буряты «приобрели право на большее внимание».⁸¹

После целой серии некрологов и рецензий на биографическое сочинение Савельева, вышедших в год смерти Банзарова, имя бурятского ученого оказалось забытым на несколько десятилетий. Бурятский ученый

77 Биографии русских ориенталистов // Москвитянин. 1855. № 19 и 20. Октябрь. Кн. 1 и 2. С. 162. Г.Н. Потанин назвал это заявление «неоправданным патриотическим экстазом», резонно приведя сведения о том, что в то же время, когда писались эти строки, британскими колониальными властями был открыт в Индии целый ряд колледжей для местного населения (Черная вера или шаманство у монголов. С. xxx-xxxi.).

78 Васильев В.П. Дордже Банзаров. Цит. по: Доржи Банзаров. Воспоминания, отзывы, рассказы современников, ученых и общественных деятелей XIX – начала XX вв. Сост. В.Э. Раднаев. Улан-Удэ, 1997. С. 12.

79 Веселовский Н. Отзыв на издание «Черной веры» под ред. Г.Н. Потанина // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Том XLVII. 1892. С. 580.

80 Некрасов. Рецензия на соч. П. Савельева «О жизни и трудах Дорджи Банзарова». С. 46.

81 Там же.

вновь оказывается в центре дебатов и размышлений благодаря сибирским областникам в связи с 70-летием его рождения.

II. ДОРЖИ БАНЗАРОВ КАК ОБЪЕКТ ДИСКУРСА

Доржи Банзаров в оценках деятелей сибирского областничества. Нет ничего удивительного в том, что именно сибирские областники вызывают к новой жизни память о первом бурятском ученом в русском обществе. Придерживаясь идеи «областного типа культурной народности» через сближение и взаимодействие русских сибиряков с культурами сибирских «инородцев», они видели в этом сближении основу для будущей сибирской нации. Эффективными проводниками этого взаимовлияния, воплощенными символами межэтнического диалога были, по убеждению областников, немногие образованные выходцы из коренных народов Сибири. Сибирские интеллигенты смотрели на них не как на чудо, недоумение, удивительное явление, а как на позитивное развитие, как на начало мощного движения. Помимо этого, в концепции областников особое место занимал вопрос развития национального самосознания «инородцев», которое всецело зависело от повышения уровня их европейской образованности.⁸²

Доржи Банзаров вместе с казахским интеллектуалом Чоканом Валихановым (почти всегда в паре) чаще всего упоминается в трудах Николая Ядринцева, Афанасия Щапова и Григория Потанина. Эти имена в дискурсе областников всплывают в связи с распространением образования среди сибирских народов как важнейшем условии их сближения с русским населением Сибири. Для Николая Ядринцева Банзаров служил примером того идеального типа «просвещенных инородцев», которые, получив европейское образование, «оставались на стороне их несчастного племени»⁸³ и тем самым могли служить цели пробуждения их национального самосознания. Афанасий Щапов упоминает имя Доржи Банзарова для иллюстрации другой важной для областнического дискурса идеи: просвещенные инородцы легко поддаются европеизации, стоит только создать им для этого условия и, будучи окультурены, способны внести значительный вклад в развитие общевропейской культуры. На русское общество, таким образом, ложилась благородная задача вывести как можно больше «дикарей»⁸⁴ из примитивного состояния и дать им возможность сделать свой вклад в развитие общечеловеческой цивилизации (которая равнялась европейской). Таким образом, сибирские областники,

82 Панченко А.Б. «Сибирь» или Азиатская Россия — областничество между имперским и национальным дискурсами // *Studia Cultirae*. Вып. 1 (27) 2016. С. 55.

83 Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб, 1882. С. 57–58.

84 Многие деятели областничества допускали в своих текстах уничижительные определения в отношении инородцев.

приводя пример Банзарова, используют его не просто для иллюстрации мысли о том, что русская (она же европейская) цивилизация способна облагородить представителя любой «отсталой культуры», как это делали современники Банзарова, а для утверждения идеи о необходимости систематического просвещения «инородцев», чтобы фигуры уровня Банзарова или Валиханова появлялись в их среде постоянно и содействовали культурному росту «остальных племен». Но несмотря на принципиальное смещение акцента, областникам были присущи все те же наследственные предрассудки в отношении культур сибирских народов как анахронизмов, от которых нужно избавляться через приобщение носителей этих культур к европейским ценностям.⁸⁵

Григорий Потанин с особенной близостью и симпатией относился к личности Доржи Банзарова и сделал для его памяти, кажется, гораздо более других областников. Именно он издает первое собрание сочинений Банзарова⁸⁶ (отдельные издания его трудов уже стали к тому времени редки) на благотворительные средства, полученные от состоятельных бурят.⁸⁷ В предисловии к изданию Потанин дает обстоятельный очерк о жизни Доржи Банзарова, в основном опираясь на сведения Савельева. Однако к изложению известных уже фактов из жизни бурятского ученого Потанин присовокупляет весьма интересный сравнительный анализ, в качестве объекта сравнения взяв биографию своего друга Чокана Валиханова.⁸⁸ По его мнению, жизнь была снисходительнее к Валиханову, который, в отличие от своего бурятского предшественника, нашел больше участия и симпатий со стороны его русских покровителей и друзей. В Иркутске Банзаров не смог найти того круга единомышленников и симпатизирующих, который нашел Валиханов в Омске. «Нам кажется,

85 Шашков С.С. Собрание сочинений. Том 2. СПб., 1898. С. 595. Шашков, видимо, в связи со своей отягощенностью семинарским образованием, обвиняет главным образом буддийских лам в культурной деградации Д. Банзарова, который, по его словам, «... прибыв в Иркутск, начал все дружественнее и дружественнее сходиться с невежественными и грязными ламами, которых он прежде презирал...». Там же.

86 Черная вера или шаманство у монголов, 1891.

87 По сведениям В.А. и М.А. Харитоновых, средства на издание были пожертвованы купцом Алексеем Старцевым (незаконорожденным сыном декабриста Николая Бестужева от простой бурятки), управляющим почтовой службой Русской духовной миссии в Пекине Найданом Гомбоевым (крещеным бурятом, братом Хамбо-ламы Дампила Гомбоева) и удунгинским казаком Ю. Лумбуевым. Старцев, помимо этого, выступал с инициативой возведения памятника Доржи Банзарову в Иркутске, который, однако, так и не был поставлен. См.: Харитонов В.А., Харитонов М.А. К истории первого собрания сочинений Доржи Банзарова // Тезисы и доклады международной научно-теоретической конференции «Банзаровские чтения-2», посвященной 175-летию со дня рождения Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1997. С. 182–183.

88 Чокан Валиханов был знаком и высоко отзывался о трудах Доржи Банзарова. См.: Следы шаманства у киргизов / Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 томах. Том 4. Алма-Ата, 1985. С. 48–70.

— включает Потанин в этой связи, — была разница в степени искренности того участия, с которым русские друзья относились к тому и другому инородцу. И это тоже могло отражаться на будущей судьбе Банзарова и Валиханова». ⁸⁹ Трагедия Банзарова вызывала в Потанине чувство вины и, по его глубокому убеждению, призвана была сподвигнуть современное ему русское общество на большую степень участия в судьбе сибирских народов.

Помимо прочего, Потанин отмечал, что имя Банзарова в бурятской среде к моменту издания им его трудов уже было почти забыто. Но был ли он прав? Как сами буряты воспринимали знаменитого земляка и вообще хранили ли о нем какую-либо память?

Доржи Банзаров в народной памяти бурят. Располагая имеющимися скудными материалами, ответить на эти вопросы едва ли возможно. И все же несколько обрывочных данных помогут нам получить какое-то представление о существовании проблемы. Весьма важными в этой связи являются сведения, записанные в 1903 году бурятским ученым и общественным деятелем Цыбенем Жамцарано во время его этнографической экспедиции по Иркутской губернии. Они показывают, что в среде добайкальских бурят, по всей видимости, память о Банзарове в начале XX века была все еще жива. ⁹⁰ Так, информант Жамцарано сообщал ему, что Доржи Банзаров был отравлен русскими чиновниками, «которые всегда старались уничтожить лучшего бурята». ⁹¹ Также сохранилось воспоминание, что во время расследования злоупотреблений среди бурят Банзаров был очень строг и проникателен, так что его очень боялись родовые старшины. На время следствия он всегда надевал на себя форменное чиновничье платье, но лишь заканчивал разбор дела, переоблачался в бурятский костюм. ⁹² Сам Жамцарано на основании этих сведений делает вывод о «симпатии, какую питают простые буряты к выдающимся сородичам». ⁹³ Со своей стороны добавлю, что если эти воспоминания действительно сохранялись бурятами Иркутской губернии с середины XIX века, а не были вызваны новой волной популярности Банзарова в среде иркутской интеллигенции в связи с деятельностью областников, то память о нем можно считать глубоко укорененной в бурятской среде. Банзаров в этих воспоминаниях предстает защитником и покровителем простых бурят как от нечистых на руку родоначальников, так и от русских властей. Его смерть видится торжеством несправедливости и свидетельством злонамеренности русской администрации. В других преданиях, ответствен-

⁸⁹ Там же, С. xxix.

⁹⁰ Григорий Потанин в 1891 году полагал, что если Банзарова и помнят в бурятской среде, то только на его малой родине, где все еще живут его родственники. См: Черная вера или шаманство у монголов. С. iv.

⁹¹ Копия дневника Цыбена Жамцарано. АВ ИВР РАН, ф. 62, оп. 1, д. 125/2, л. 53.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, л. 55.

ность за смерть ученого вменяется церкви. Так, в рассказе, записанном на родине Банзарова в Джидинском районе Бурятской АССР в 1971 году, говорится о том, что бурятский ученый был отравлен неким православным священником.⁹⁴

Банзаров в этих легендах представляется в двух ипостасях — как образованный бурят, который отражает посягательства на себя и своих сородичей со стороны «чужой» русской власти и церкви и демонстрирует свою принадлежность к бурятскому миру, и как принципиальный и неподкупный представитель империи, обладающий большой (возможно, даже сверхъестественной) властью. Первая ипостась Банзарова особенно рельефно вырисовывается в анекдоте о тайше Баторове, который, видимо, имел хождение в различных частях бурятского мира по обе стороны Байкала.⁹⁵ Суть его заключается в том, что в юности служа писарем в губернской администрации, будущий тайша Баторов получил предложение от генерал-губернатора Муравьева принять крещение. Понимая, что принять такое решение молодому писарю будет сложно, Муравьев сам предложил ему обратиться за советом к Банзарову. Когда Баторов пришел к Банзарову за советом, тот сначала ответил на его вопрос красноречивым молчанием, а потом сказал: «Вы с Муравьевым оба дураки, иди, так и скажи ему». Баторов, разумеется, не решался передать ответ Банзарова губернатору, но после настойчивого допроса все же сделал это. Узнав, что сказал Банзаров, Муравьев рассмеялся и ответил: «Банзаров прав, действительно мы с тобой оба дураки. Я дурак, потому что предложил тебе, буддисту, креститься, а ты дурак, потому что ходил спрашивать совета Банзарова, можно ли креститься».⁹⁶

Любопытно также, что Банзаров, возможно, мог восприниматься в бурятском обществе и в противоположной ипостаси — как могущественный представитель империи, часть той самой «чужой» власти. Известный бурятский ученый начала XX в. Гомбожап Цыбиков приводит легенду, бытовавшую среди селенгинских бурят. Согласно ей, Банзаров в должности чиновника губернской администрации как-то посетил местность Иволга в Селенгинском ведомстве, где обнаружил некую старинную надпись на каменной плите. Прочитав надпись, он объявил, что под плитой находится клад, и уехал. Через некоторое время туда приехала целая рота

94 Цырендоржиева Ц.Ш. Предания и легенды о Доржи Банзарове. / Бурятский фольклор. Труды бурятского института общественных наук. Вып. 24. Улан-Удэ, 1975. С. 60–65. Примечательно, что Банзаров в этой легенде представлен не чуждым православной церкви.

95 Забайкальский бурятский летописец нач. XX в. Будажап Будаев записал этот рассказ со слов самого Баторова в Иркутске. Эта запись на старомонгольском письме имела хождение в Забайкалье. См.: Selengge-yin buriyad-nar-un 1-düger tabunaγud törül-ün čoutniγ dorji bangjar-un tuqai domuγ-i jokiyaγsan budajab buda-yin amui. ЦВРК ИМБТ СО РАН, Монгольский фонд, М-I, 80.

96 Батоцыренов. Из воспоминаний о Доржи Банзарове. С. 90.

солдат, подняла камень и увезла найденное в неизвестном направлении.⁹⁷

Стихийные народные предания выразительно демонстрируют сложность и неоднозначность «колониальных ситуаций», и все последующие идеологические дискурсы являются попытками упростить их, привести в них однозначность. Эта простота характерна для текстов бурятских национальных лидеров начала XX века. Те немногие легенды о Банзарове, которые приведены в этой части статьи, были собраны представителями бурятской интеллигенции, которые с начала XX в., как о том мечтали сибирские областники, начали реализовывать собственный проект формирования бурятского национального самосознания. Упомянувшиеся ранее Цыбен Жамцарано, Гомбожап Цыбиков, а также известный бурятский буддолог Базар Барадийн, придавали большое значение личности первого бурятского ученого, и у них были на это веские основания.

Бурятские национальные деятели о первом бурятском ученом.

Разделенные географически (по линии озера Байкал на западных и восточных) и административно (между Иркутской губернией и Забайкальской областью), буряты и в религиозном отношении не представляли из себя единого целого. Если большая часть забайкальских бурят исповедовала буддизм тибетской традиции, в Иркутской губернии лишь меньшинство ассоциировало себя с этой религией. Основное население Добайкаля продолжало придерживаться традиционных верований, включая ту значительную часть ее, которая к тому времени была обращена в православие. Эта конфессиональная разобщенность составляла одну из самых больших проблем, стоявших перед первыми бурятскими нациестроителями. Иркутские и забайкальские национальные активисты ломали копыя по вопросу о символах, способных объединить бурят в единую нацию, помимо религии.⁹⁸ Одним из таких символов стала фигура первого бурятского ученого, родившегося в Забайкалье и официально исповедовавшего буддизм, но написавшего ученым труд по шаманизму, прожившего несколько лет в Иркутской губернии и воспринимавшегося добайкальскими бурятами своим.⁹⁹

97 Цыбиков. Жизнь и труды Доржи Банзарова. С. 18. Интересно, что в этом рассказе, помимо демонстрации непосредственных административных полномочий Банзарова, мы можем наблюдать и манифестацию его власти как обладателя знаний забытой древней культуры.

98 Наиболее ярким образцом такой дискуссии стали статьи Цыбена Жамцарано и Михаила Богданова, опубликованные в журнале Сибирские вопросы соответственно в 1906 и 1907 гг. См.: Жамцарано Ц.Ж. О правосознании бурят // Сибирские вопросы. 1906/2. С. 167–184; Богданов М.Н. Бурятское возрождение // Сибирские вопросы. 1907/3. С. 38–49.

99 Созданное в 1925 году первое научное общество в Бурят-Монголии, вдохновителями которого стали представители бурятской национальной интеллигенции, получает имя Доржи Банзарова. Это общество объединяло краеведов и исследователей республики и ставило перед собой задачу организации научно-краеведческой деятельности и работе по охране памятников культуры в Бурят-Монголии. См.: Номогоева В.В.

Бурятские национальные деятели использовали этот ресурс в своих целях, несколько поменяв акценты в интерпретации главных событий его жизни и причин его ранней смерти, как это делали сибирские областники до них. Программным текстом, посвященным Банзарову, стала его биография в изложении одного из лидеров бурятских националистов Базара Барадийна, к тому времени уже вошедшего в вынужденное сотрудничество с Советской властью. В 1925 году в журнале Бурятияведение он опубликовал свою статью «Дордже Банзаров (1822–1855)»,¹⁰⁰ в которой дал свою оценку его жизни. С точки зрения фактологии, статья не сообщает нам ничего нового. Однако внимательное прочтение текста показывает, какие аспекты жизни и смерти бурятского ученого имели наибольшую ценность для национального дискурса того времени. Так, Барадийн особое значение придает сложным отношениям Банзарова с православием, явно противопоставляя его буддизму. В этом противостоянии забайкальские бурятские национальные активисты, к которым принадлежал и Барадийн, видели драматизм борьбы бурят против обрусения и за сохранение своей национальной инаковости. Православие в этой трактовке выступает как главный инструмент имперской колониальной политики, причинявшей «неисчислимы моральные и физические страдания беззащитным пастухам бурят-монголам». Шаманизм, по мнению Барадийна, не мог служить защитой против этого духовного угнетения, а потому укрепление позиций буддизма в Иркутской губернии представлялось ему развитием чрезвычайной важности. Мобилизационный потенциал буддизма виделся бурятским романтическим националистам как один из сильнейших маркеров групповой идентичности, и буддийская идентичность первого бурятского ученого делала его привлекательным символом для проекта бурятской нации. Банзаров, таким образом, представляется Барадийным как агент буддийского влияния в Иркутской губернии. Само воспитание Банзарова в лоне буддийской традиции, утверждает автор, определили его рациональность и рассудительность, столь необходимые для исследовательской деятельности.¹⁰¹ Преждевременная кончина Банзарова произошла в неравной схватке с «чиновничье-поповским обществом», т. е. с колониальным угнетением и православным обскурантизмом.

Предметом негодования Барадийна становится и неспособность русского общества принять равноправие бурят в сфере интеллектуальной деятельности.¹⁰² Такое же возмущение выражал упоминавшийся уже

Из истории Бурят-Монгольского научного общества им. Доржи Банзарова // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. Вып. 7. История. С. 137–140.

100 Барадийн Б.Б. Дордже Банзаров (1822–1855) // Бурятияведение. 1925. № 1. С. 5–9.

101 Бурятские романтические националисты считали буддизм комплиментарным европейской науке, а потому в их глазах Доржи Банзаров как буддист и как представитель науки служил идеальной моделью «отца просвещенной нации». О буддизме в бурятском национальном дискурсе см.: Tolz, 2015. С. 732.

102 Барадийн. Дордже Банзаров (1822–1855). С. 6.

Гомбожап Цыбиков в другой статье, посвященной Доржи Банзарову. Цыбиков считал уничижительным даже шутивное прозвище *Gelehrter*, которым обращались к нему его петербургские коллеги.¹⁰³ В связи с этим Цыбиков пишет:

Они не должны были удивляться, что из бурят или другой отсталой народности может явиться ученый, т. к. наука не есть, конечно, достояние только европейской расы. Ведь считать какие-либо народы или классы неспособными к восприятию (*sic*) научной истины значит только поддерживать никем не оправдываемую кичливость высших классов т. н. культурных народов.¹⁰⁴

Гомбожап Цыбиков, впрочем, не был полностью солидарен с Барадийным по вопросу о значении буддизма в формировании личности Банзарова. Он полагал, что, получив образование, Банзаров стал равнодушен к религии. Впрочем, нужно учитывать, что статья Цыбикова вышла в 1930 году, и в своих оценках Цыбиков мог просто отдавать дань официальной идеологии, согласно которой религиозность не могла быть свойством по-настоящему прогрессивных личностей. Бурятские национальные лидеры к этому времени уже постепенно вытеснялись из первых рядов национального строительства, а это место занимали представители новой советской интеллигенции.

Доржи Банзаров в советской историографии. Процесс замещения старой дореволюционной бурятской национальной элиты новыми кадрами завершается к 1940-м годам. Однако физического уничтожения или изоляции бурятских националистов было недостаточно. Советский официоз ставил перед собой цель закрепления за собой лидерства в процессе деколонизации, полной апроприации национального дискурса и монополизации его воспроизведения: лишние и вредные, с точки зрения идеологов, элементы отвергались,¹⁰⁵ полезные и укладываемые в общую идеологическую концепцию символы использовались после перенастройки и приобретения новых интерпретаций.¹⁰⁶ Наследие Доржи Банзарова легко попало во вторую категорию и на всем протяжении советского времени обслуживало идею бурятской социалистической нации. Количество исследовательских и идеологических работ, посвященных

103 Цыбиков. Жизнь и труды Доржи Банзарова. С. 12. Впрочем, автор признавал, что сам Банзаров охотно называл этим словом самого себя.

104 Там же.

105 Таковыми были монгольское вертикальное письмо, буддийская культура и образование, эпическая традиция (против эпоса Гэсэр в 1940-х годах была запущена кампания, которая, однако, окончилась для советских властей фиаско). См.: Melissa Sakars, *The Socialist Way of Life in Siberia: Transformation in Buryatia* (Budapest: Central European University Press, 2014), pp. 165–175.

106 См.: Terry Martin, "An Affirmative Action Empire. The Soviet Union as the Highest Form of Imperialism," Ronald Grigor Suny and Terry Martin, ed., *A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* (Oxford: Oxford University Press, 2001), pp. 67–92.

Банзарову, поражает воображение: большинство значительных историков Бурятии отметились в банзароведении. В 1955 году было издано полное собрание его сочинений, почти каждая юбилейная дата сопровождалась организацией крупных конференций. Именем Доржи Банзарова были названы улицы в Улан-Удэ и Иркутске, а также колхоз в Джидинском аймаке БМАССР; в 1935 году имя первого бурятского ученого было присвоено Бурятскому государственному педагогическому институту,¹⁰⁷ самому первому и крупнейшему учреждению высшего образования в Бурят-Монголии, а напротив здания института возведен памятник ученому в полный рост. Канонизация первого бурятского ученого проходила и по линии социалистического художественного творчества: его жизни были посвящены две пьесы, два крупных романа, повесть, поэмы, стихи и другие произведения.¹⁰⁸

Что именно делало Банзарова столь привлекательным символом в глазах советских идеологов? Прежде всего — его скромное, как даже позволяли себе говорить некоторые комментаторы, крестьянское происхождение. Сын казачьего пятидесятника, офицера низшего звена,¹⁰⁹ Банзаров не был отягощен «дурной наследственностью», поскольку не принадлежал к правившим тогда в Селенгинской степной думе тайшинским или зайсанским семьям, чьи дети, кстати говоря, имели преимущественное право в получении образования. Это позволяло некоторым советским банзароведам даже сравнивать его с Михайлом Ломоносовым.¹¹⁰

Вторым немаловажным фактором, вероятно, было то, что Банзаров не был крещен и по этой причине оставался «полноценным инородцем», что было крайне важно для национального чувства бурят. При этом его принадлежность к буддийской конфессии, столь важная для романтических бурятских националистов, советскими учеными попросту

107 Бурятский историк и функционер от науки Петр Хадалов в своей статье, посвященной Банзарову, утверждает, что инициатива присвоения имени Доржи Банзарова БГПИ принадлежала И.В. Сталину. *Хадалов П.И.* Бурятский ученый Доржи Банзаров (К 130-летию Доржи Банзарова) // Записки БМНИИК. 1952. XIV. Улан-Удэ, 1952. С. 34.

108 См.: *Матхеев Б.В.* Образ Доржи Банзарова в бурятской художественной литературе // Первый бурятский ученый (к 150-летию со дня рождения Доржи Банзарова). Улан-Удэ, 1973. С. 72–85.

109 Чаще всего офицерское звание отца Доржи Банзарова «забывалось», и его представляли читателям как сына простого казака.

110 Первым такую параллель провел в одной из своих статей сибирский областник Афанасий Щапов. См.: *Щапов А.П.* Памяти Ломоносова // Сочинения в 3-х томах. Том 1. СПб., 1906. С. 21. Советские историки могли смотреть на Банзарова и в свете его «патриотической» позиции в дискуссии вокруг Чингисова камня. См.: *Хадалов П.* Доржи Банзаров. К столетию со дня смерти // Свет над Байкалом. Лит.-худож. общ.-полит. журнал. 1955. № 1 (май-июнь): 116–122. С. 116–117; *Петров Л.А.* Доржи Банзаров. Первый бурят-монгольский ученый. Улан-Удэ: «Бурят-монгольское гос. издательство», 1943. С. 5.

отвергалась.¹¹¹

Комментируя получение Банзаровым образования в Казанской гимназии, а затем в университете, советские историки предпочитали замалчивать роль в этом имперской администрации или связывали это с целью колониальных властей «использовать Доржи Банзарова в интересах самодержавия».¹¹² Учеба Банзарова в Казанском университете рассматривается советскими идеологами главным образом в связи с влиянием на бурятского юношу передовой русской профессуры. Этот момент имел важнейшее значение в советской версии формирования национального самосознания бурят и других этнических меньшинств: бурятская нация складывается под непосредственным патронажем русской интеллигенции народнического и социал-демократического направления. Мотив влияния на молодого Банзарова казанских ученых Н.И. Лобачевского, О.М. Ковалевского, Д.И. Мейера, Е.Ф. Аристова, которым, в свою очередь, приписывался глубокий интерес к идеям А. Сен-Симона, Ж-Б. Фурье, А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского, В.Г. Белинского, красной нитью проходит через большинство трудов советских исследователей, посвященных жизни Банзарова,¹¹³ хотя никаких свидетельств тому не имелось.

Отправка Доржи Банзарова в Иркутск в чине чиновника особых поручений представляется советским историкам выразительной иллюстрацией колониально-эксплуататорской природы Российской империи. Советские историки считали, что это было спланированным шагом царской администрации, или даже, как полагал советский биограф Банзарова Л. Петров, политической ссылкой. Иркутский период жизни Банзарова оценивается советскими исследователями столь же однозначно: сосланный ученый занимается борьбой против «произвола колониальных властей» в отношении «бесправного бурятского народа».¹¹⁴

111 Попытки бурятских националистов «представить Банзарова правоверным ламаистом» объявлялись в советской историографии клеветой. См.: *Санжиев Б.С.* В Бурят-Монгольском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 150-151.

112 Петров. Доржи Банзаров. Первый бурят-монгольский ученый. С. 25.

113 См.: *Цибиков Б.Д.* Нерушимая дружба бурят-монгольского и русского народов. Улан-Удэ, 1957. С. 45; *Батудаев И.* О Доржи Банзарове как представителе домарковского материализма. / Первый бурятский ученый (к 150-летию со дня рождения Доржи Банзарова). Улан-Удэ, 1973. С. 19; *Белоусов А.А.* Доржи Банзаров и русская культура 40-50-х гг. XIX века / Первый бурятский ученый (к 150-летию со дня рождения Доржи Банзарова). Улан-Удэ, 1973. С. 38-50.

114 См.: *Кудрявцев Ф.Я.* Первый бурятский ученый Дорджи Банзаров (1822-1855 гг.) // Записки ГИЯЛИ. 1940. № 2. С. 134. Не жалея темных красок в описании жизненной трагедии первого бурятского ученого, советские идеологи противопоставляли ее современной жизни бурят: «Теперь в Бурят-Монголии осуществлено семилетнее обучение. Сотни молодых людей продолжают образование в средних и высших учебных заведениях. <...> русский народ помогает бурят-монголам развивать народное

Спустя несколько лет, согласно официальной советской интерпретации, муравьевская администрация с Банзаровым попросту расправляется. Чьими руками была совершена эта расправа — вопрос для советского банзароведения дискуссионный. Одни полагали, что сцены «произвола, насилия и страшного гнета, которому подвергалось бурятское население» вызвали у ученого глубокую депрессию, что и привело его к преждевременной кончине. Другие видели главными виновниками трагедии, даже убийцами Банзарова, служителей культа. Причем в советских памфлетах православие и буддизм фактически уравниваются как средства угнетения и эксплуатации, и в травле бурятского ученого обвиняются как Архиепископ Нил, так и Хамбо-лама Чойван Ишижамсуев.¹¹⁵

Комментаторы могли расходиться во взглядах на конкретные причины смерти Банзарова, но должны были придерживаться общей официальной версии, связывавшей раннюю кончину ученого с его травлей в губернской администрации. Советскими учеными отвергались версии о пристрастии бурятского ученого к алкоголю, а тем более о его культурной деградации. Герой и просветитель бурятского народа мог только стать жертвой царских бюрократов, господствующей церкви или низкопоклонствующего ламства. Причем причина гонений могла быть только одна — Банзаров стоит на страже своего угнетенного народа, что очень не нравится эксплуататорам, в числе которых не только русские чиновники и купцы, но и бурятские тайши, и буддийская администрация во главе с Хамбо-ламой. Таким образом, конфликт переводился из сферы национальной в классовую.¹¹⁶

хозяйство республики, поднимать культуру ее населения» (Блокнот агитатора. 1947. № 5. Февраль. С. 28).

- 115 Известный бурятский писатель Николай Дамдинов в своей пьесе на бурятском языке «Доржо Банзаров», опубликованной в 1972 г., даже дает свою вымышленную версию содержания этой беседы. В ней Хамбо-лама просит Банзарова повлиять на Архиепископа Нила в смысле смягчения его отношения к буддизму, на что ученый отвечает, что буддистом не является. На вопрос ошарашенного буддийского первосвященника, во что же он верит, Банзаров отвечает, что, как и его учитель Николай Лобачевский, верит только в одного бога — природу. *Дамдинов Н.* Доржо Банзаров. Гурбан үйлэтэй зургаан үзэгдэлтэй түүхэтэй драма // Буряад үнэн. 1972. Февраль № 26. С. 3.
- 116 Описание классового неравенства в бурятском обществе и критика этого неравенства молодым Доржи Банзаровым особенно выразительно проявлены в диалогии бурятского писателя Чимита Цыдендамбаева «Доржи, сын Банзара» и «Вдали от родных степей», одном из самых значительных произведений советской бурятской литературы. Идея романа заключается в том, что раннее наблюдение за социальными пороками бурятского общества формирует мировоззрение Банзарова как будущего революционного демократа и защитника прав обездоленного бурятского народа. *Цыдендамбаев Ч.Ц.* Доржи, сын Банзара. Москва: «Советский писатель», 1981; *Матхеев.* Образ Доржи Банзарова в бурятской художественной литературе. С. 72–85.

Еще одной возможностью подчеркнуть прогрессивный характер личности Банзарова стала тема о его связях с декабристами, а именно с Николаем Бестужевым, который после каторги с 1839 года жил на поселении в забайкальском городке Селенгинск. В советской историографии личность Николая Бестужева была окружена не только ореолом мученика за свободу, но и замечательного просветителя бурят. Бурятский ученый мог знать о декабристе от Иакинфа Бичурина, который с особым пиететом относился к Николаю Бестужеву. Впервые Банзаров встречается с Бестужевым в Селенгинске, когда приезжает туда вместе с генерал-губернатором Муравьевым. Об обстоятельствах той первой встречи ничего не известно. Однако, к счастью, о втором визите Банзарова дома Бестужевых сохранилось живое свидетельство. В этот раз Банзаров прибыл в Селенгинск в компании Иллариона Сельского, с которым они прожили у декабристов несколько дней. Николай Бестужев, зарабатывавший на жизнь рисованием портретов своих знакомых и друзей, написал и портрет Банзарова, который, к сожалению, не сохранился. Сельский оставил об этой встрече такое воспоминание: Н. Бестужев и Банзаров провели время «в душевной беседе, говоря о Петербурге, о шаманстве у монголов и о заселении Прибайкалья бурятами, что тогда сильно занимало Николая Александровича».¹¹⁷ Это свидетельство имело большое значение для советского понимания роли и места Банзарова: декабрист Бестужев как предтече русского революционного поколения протягивает свою дружескую руку просвещенному борцу за права бурят. В советской трактовке это, пожалуй, самое важное и светлое событие короткой жизни Банзарова в Иркутске.¹¹⁸

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оказавшийся меж двух разных миров и не сумевший полностью идентифицироваться ни с русским обществом, ни со своим собственным народом, Банзаров разделил судьбу других «инородцев», раньше прочих получивших европейское образование. Можно согласиться с Григорием Потаниным, что Доржи Банзаров слишком рано был оторван от родной среды,¹¹⁹ и по возвращении не нашел себе места и понимания в бурятском обществе. В то же время, сложные отношения с православными кругами

117 См.: *Барановская М.Ю.* Декабрист Н. Бестужев. Москва, 1954. С. 192–193.

118 На закате советской эпохи в 1990 году бурятский режиссер Барас Халзанов на Свердловской киностудии снимает фильм о декабристах «Нет чужой земли», в который он включает эпизод об этой встрече. Во время откровенной беседы с Николаем Бестужевым, во время которой последний рассказывает ему о своем участии в восстании 1825 года на Сенатской площади, Банзаров в чувственном порыве восклицает: «Как бы я хотел быть с вами... там!».

119 Черная вера или шаманство у монголов. С. xxvii.

действительно могли способствовать его отчуждению и от иркутской интеллигенции, как это отмечали его современники. Была бы жизнь Банзарова длиннее, счастливее и полнее, в случае, если власти позволили бы ему остаться в Петербурге или Казани и сделать карьеру преподавателя и исследователя? — вопрос риторический. Дать на него сколько-нибудь надежный ответ едва ли представляется возможным. Быть может, он смог бы стать одним из крупных величин в российской ориенталистике, по примеру Казембека; столь же вероятно, что «ученый монгол» столкнулся бы с дискриминацией со стороны собственных коллег и разочарованием, как Николай Катанов. Столь разные судьбы упомянутых личностей говорят нам о том, что карьеры «инородцев», вступивших на стезю науки и образования в России XIX века, едва ли следовали одной траектории, хотя нельзя отрицать и того, что проблемы, с которыми они сталкивались, были очень похожими. Многое, несомненно, зависело от личных качеств, окружавшего общества и множества других обстоятельств, которые просто невозможно свести к одной модели.

Взгляд на эволюцию биографической литературы, посвященной одному человеку, имеет явные преимущества, поскольку помогает уловить многое из того, что остается скрытым в других случаях: смену поколенческих парадигм, инерцию мышления и размытость границ между смежными дискурсами, важность тех или иных аспектов для различных субъектов жанра, субъективность анализа и опасность некритического подхода к источникам. В случае с Банзаровым, такой подход показал, как трансформировался его образ от *sauvage civilisé* до домарковского материалиста. Он показал также, как сибирские областники, подвергнув кардинальной переоценке значение Банзарова для России в целом и Сибири в частности, в то же время продолжали эксплуатировать ориенталистский дискурс в оценках первого бурятского ученого и бурятской культуры. Этот подход демонстрирует также и то, в каких именно моментах советские идеологи солидаризировались с пониманием личности Банзарова бурятских националистов, а где они принципиальным образом сместили акценты.

Несмотря на то, что активность публикаций в банзароведении не иссякает вплоть до 1990-х годов, можно заметить некоторую усталость от личности Доржи Банзарова, непрерывно эксплуатировавшейся все советское время. Национальные сентименты постсоветского бурятского общества направлены главным образом на реабилитированных представителей бурятского национального движения начала XX века. Что касается Банзарова, то его имя несколько затирается и блекнет в общем ряду с именами первых бурятских революционеров и коммунистов, потерявших былой статус и популярность. И все же события последнего десятилетия позволяют говорить о том, что потенциал Банзарова как важной исторической фигуры для бурятского мира еще не исчерпан. В последние годы память о нем переживает процесс медленной реставра-

ции,¹²⁰ и очень любопытно проследить, какие новые формы примет нарождающееся постсоветское банзароведение. Будет ли оно механическим воспроизведением прошлых моделей или принципиально новым осмыслением. Отчасти ответ на этот вопрос дает эта статья, сама по себе являясь частью этого нового дискурса.

120 В 2009 году на стене одного из зданий Иркутского государственного университета открывается памятная доска, посвященная Доржи Банзарову, а в 2010 году на его родине по инициативе земляков установлен памятник во весь рост работы скульптора Г. Васильева. См.: Открыта мемориальная доска в честь Доржи Банзарова // Байкальские вести. 2009. № 20 (26 мая – 2 июня). С. 3; Установлен памятник первому бурятскому ученому / Информ-полис. 2010. № 34 (15 июня). С. 6. В этом году имя Банзарова возвращено крупнейшему учреждению высшего образования в Республике Бурятия — Бурятскому государственному университету.